

МЫСЛЬ

Республиканский общественно-политический журнал

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «АЛКА»: НАЦИОНАЛЬНЫЕ И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ

Октябрь 27, 2017

Дихан КАМЗАБЕКУЛЫ,
проректор ЕНУ им. Л. Н. Гумилева,
академик НАН РК

Процессы игнорирования истории, которые наблюдаются в настоящее время, в конечном результате могут привести к негативным тенденциям в гармоничном развитии человечества. За что мы оплакивали Кенесары, за что уважали Е. Бекмаханова, писавшего о хане Кене, почему тосковали по деятелям Алаш и за что их почитали после оправдания? Как мы наблюдаем сегодня, познание прошлого будто превращается в формализм. Каковы его причины? В

чем недостатки? И причины, и недостатки – в исторической неграмотности, в беспринципности. «Для слепой курицы всё кажется пшеницей...»

Час испытания Алаш

Как быть тогда с национальной самобытностью?.. На наш взгляд, историческую правду и ценные источники необходимо закладывать в народную память. Это – основа национального своеобразия. Если не одни, так другие оценят. Возможно, исправят ошибки...

Например, для нашей отечественной истории особо важный период – период движения «Алаш». Идея «Алаша» была национальной идеей казахов. Название «Алаш» интеллигенцией того периода было выбрано неспроста. «Наши стены основательные (кереге агаш – основная сборно-раздвижная конструкция юрты), наш клич – «Алаш». Стены – государственное строительство, «Алаш» – идеология. Таково было их заключение. «Алаш» был символом нового государства.

Несмотря на различные трудности, правительство Алаш Орды в 1917–1919 гг. продолжило прерванную нить казахской государственности. Если бы в 1917 году в Коканде не была создана Туркестанская автономия, в Оренбурге – правительство Алаш Орды, и по мере возможности не были бы сформированы атрибуты государственности, то, вполне вероятно, в 90-е годы нас постигла бы трудная участь...

После окончательного укрепления большевистской диктатуры в 1920 году лидер движения «Алаш» Алихан Букейхан своим единомышленникам говорил: «Если мы не будем обучать детей, не будем писать статьи в журналах и газетах, не будем служить идее «Алаш», не будем писать книги на казахском языке, то другой путь нам будет перекрыт». Так начался новый этап движения «Алаш». Символическое название данного периода – «Алка». В 1920–1924 гг. её идея обсуждалась несколько раз, а в начале 1925 года совместный творческий проект писателей «Алаш», распространенный в среде интеллигентов, был назван «Алка» (дословно «коллегия». – Д. К.).

Как мы знаем, с 1919 года советское правительство официально запретило не только деятельность, но и название «Алаш», в то время как «Алка» была не только созвучна его названию, но и являлась продолжением его идей. Именно

поэтому, когда в 1929 году бдительным НКВД начались первые репрессии членов Алаш, программа «Алка» была признана не программой творческого объединения, а документом политической организации. При вынесении приговора в 1930–1937 гг. национал-патриотам главным обвинением послужило их членство в «Алка», общение с представителями данной организации.

Итак, как формировалось мнение об объединении «Алка»? Какую попытку в час испытания предприняли деятели «Алаш»?

Советская Москва различными методами «воевала» с личностями, проявлявшими свободомыслие, вольнодумство. Ряд ученых, например, Бердяева, Франка, Степуна, Изгоева, Осоргина, Кускова, Прокоповича и многих других заставили эмигрировать. И в такие сложные времена появляется соглашение о «разоблачении путем устных и печатных выступлений буржуазно-дворянских и мнимопопутнических литературных группировок, литераторов», подписанное от Лефа («Левый фронт искусства») В. Маяковским и О. Брик, от МАППа (Московская ассоциация пролетарских писателей) Ю. Лебединским, С. Родовым, Л. Авербахом.

А с 1925 года партия строго обязала все литературные организации («Октябрь», «Кузница», МАПП, «Серапионовы братья», «Рабочая весна», «Молодая гвардия», «Перевал», «Апрель», «Литературный особняк» и др.) подчиниться советской идеологии. В это время за свободное творчество сильной критике подвергались «Перевал» и «Литературный особняк». Однако эти и другие организации смогли просуществовать до начала 30-х годов. Каким образом? Во-первых, у них был мощный интеллектуальный потенциал; во-вторых, они использовали главенствующую идею социализма. Как Москва в такой период идеологической борьбы воспринимала литературные явления других национальностей? И как нетитульные этносы воспринимали литературные события, происходящие в центре?

Прежде, чем ответить на эти вопросы, приведем следующие сведения: ТАПП (в Ташкенте) была создана в 1924 году, КазАПП (в Казахстане) – в 1925 году, ТАПП (в Татарстане) и БАПП (в Башкортостане) – в 1928 году. Туркестан (Ташкент) и Казахстан – автономные республики, а Татарстан и Башкортостан были в составе России. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что до создания в автономных

республиках «...АПП-ов» центр особо не интересовала их литературная жизнь. А создание ...АППа было вынужденной мерой против национального неподчинения. Это – спешный шаг от игнорирования к опасению. Большевистский Кремль негласно выделял татаров и башкир, считал, достаточным подвергнуть их «советизации» и будет дело с концом. Но так не получилось. Конечно, по сравнению с автономиями, они были под боком.

Окраинные народы были в курсе литературных движений в Москве. К примеру, рассмотренные нами выше материалы совета и диспута в свое время были опубликованы в журналах «Красная новь» и «Печать и революция». Образованные представители окраинных народов многому учились у писателей российского центра революции. Так, им не чужды были труды, в которых правильно объяснялась литература и идеология. К слову, Сергей Есенин в статье «Быт и искусство», опубликованной в 1920 году, пишет: «Собратьям моим кажется, что искусство существует только как искусство. Вне всяких влияний жизни и ее уклада. <...> Но, да простят мои собратья, такой подход к искусству слишком несерьезный. <...> Чувство Родины – основное в моем творчестве».

Поэт любит не революцию, т. е. не железное облачение, а простое, в то же время великое понятие – Родину. Сердце поэта воспевало только ее.

Для писателей национальных окраин, думы которых с приходом революции оказались в кабале, эти слова С. Есенина служили успокоением и поддержкой. Также достаточно было примеров для подражания в творческом лозунге литературной группы «Перевал»: «Искренность творчества, моцартианство, гуманистическое движение, эстетическая культура, гуманизм».

В целом, казахские писатели критически воспринимали события в России. Литература – одна, а течений – множество. Все течения утверждают, что переживают за литературу и народ. На самом деле таких было единицы.

Именно в такой важный период казахским поэтам и писателям нужна была литературная организация, которая объединила бы их в одну группу и защитила бы в трудные времена, особенно от текущих политических гонений. Им необходимо было развивать практику таких литературных групп, появившихся в начале 20-х гг., как «Чагатайская беседа»

(«Чагатай гурунги») в Ташкенте у туркестанцев, организация казахов «Талап» («Цель»), а также занимавшие достойное место у татарских литераторов в Казани «Гыйсьян», «Жидегян». Так, известные татарские писатели Хади Такташ и Фатхи Бурнаш затронули идею «гисиян» (досл. «мятеж») и утверждали о том, что «закон литературы – не искусственное творчество, основанное на литературных канонах, а свободное течение духовного процесса».

Еще об одном немаловажном факте пишет известный деятель Смагул Садуакасов. Так, в 1917–1918 гг. на казахской земле функционировало более двадцати культурно-просветительских объединений. По их названиям можно определить стоящие перед ними задачи. Например, «Ерік» («Воля»), «Еркін дала» («Свободная степь»), «Ғылым» («Наука»), «Қызмет» («Служение»), «Игілік» («Благое дело»), «Жас тілек» («Желания молодых»). Они занимались выпуском книг молодых писателей, инсценировкой произведений известных поэтов, словом, пропагандировали духовные ценности народа, заботились о его просвещении.

До возникновения «Алки» в краевой печати были опубликованы труды Ахмета Байтурсынова, Жусипбека Аймауытова, Магжана Жумабаева, Смагула Садуакасова, Мухтара Ауэзова и других о свободном творчестве, неподвластном к политике.

Ахмет Байтурсынов в исторической статье «О состоянии творческих деятелей», написанной в 1922 году, национальной творческой интеллигенции дает советы:

1. Писатель «Алаша» – чуткий к своим собратьям, любящий казахов, националист в хорошем смысле. Потому что неравенство среди людей требует наличия данных качеств.
2. Казахи во имя торжества культуры должны жертвовать всем. Когда культура поднимется на высокий уровень, тогда чужие перестанут угнетать казахов.
3. Прогресс культуры возможен только при упорной ежедневной работе, озаренной беззаветной любовью к родной земле и к ее творческим истокам. Результатом высшего мастерства, ежедневного труда мы называем искусство, знания же, полученные силой озарения, называем наукой. Эти два явления ... обретаются навыками, а также ежедневной учебой и трудом.
4. Образовательный процесс тесно связан с литературой: учеба возвышает литературу, литература усиливает важность

обучения.

5. Дело писателей – литература, без литературы не будет поддержки образованию, без образования не будет поддерживаться культура, а без поддержки культуры казахи не избавятся от мучений и насилий.

6. Сущность свободы – в культуре, основные факторы её повышения – образование и литература.

7. Если писатели не будут разрозненными, а будут работать слаженно, то, возможно, их дела будут благодатными и плодотворными.

Из сказанного можно заметить, что Ахмет и его соратники еще раньше пытались объединить поэтов и писателей в одну творческую группу. А как реагировали сами творческие личности?

К примеру, Магжан Жумабаев в статье, посвященной кончине Бернияза Кулеева, отмечает следующее: «Литература – отражение пробудившихся волн в душе народа». Также мудрый поэт пишет, что в вопросе государственности небольшая национальная литературная общественность идентична с таспихом – с мусульманскими чётками, в которых, образно говоря, каждый литератор является отдельной бусинкой. Здесь поэт под словом «небольшая» подразумевает не часть, а всю пишущую творческую интеллигенцию. Действительно, в интересах нации поэтам и писателям плеяды «Алаша» нужно было объединиться как бусинки на таспихе.

Первое объединение казахских писателей

В самый разгар 1924–1925 гг. среди казахских писателей России, всесторонне пропагандировавших литературные поиски окраин, появилось подчиненное Москве объединение «Алка», концептуально, популяризирующее национальные ценности и выход из духовного истощения.

Когда в 20-е годы деятели «Алаша» намечали создание литературно-творческого объединения «Алка», призванного по мере возможности оказывать помощь казахской литературе, они будто чувствовали приближение большого духовного застоя.

Весь творческий потенциал объединения «Алка» был направлен на борьбу против этого застоя. С хронологической точки зрения идея о создании «Алки» и подготовка его тезисов была задумана не после создания КазАППа, а намного

раньше. Интеллигенты намеревались объединить казахских писателей, переживающих за будущее литературы и культуры, над которыми нависла угроза лишения национальной самобытности. Это помогло бы продолжить творческий путь молодым поэтам и писателям, а также определить будущее духовного развития своего народа. Творческие поиски в литературе и культуре, по убеждениям представителей национальной интеллигенции, должны быть избавлены от навязанной политической подоплеки и примитивизма. Именно в это время появились труды Ахмета о поэтах и писателях, а также работы Магжана о Берниязе, Султанбека и Жусипбека о Магжане, Смагула о Беимбете и др., в которых ощущались чистота помыслов и новое духовное веяние. Это были истинные творения, далекие от политики. Не эпоха пролетариата внушила в их сознание правдивые слова, не дух социалистического общества, а великие мысли человечества и духовное стремление нации. Их мечты и чаяния продолжили оборвавшуюся нить надежды. Именно эти мысли и надежды породили «Алка».

«Алка» – в то же время и концепция духовно-нравственной концентрации творческих сил, направляющая на более высокий уровень литературного мастерства. «Алка» также становится заметным центром глубокого истинного осмысления бытия. Здесь не было абсолютно ничего, что вводило в заблуждение народ и общество. «Оно совершенно лишено политических воззрений», – сказал Мухтар Ауэзов в ответ на допросы следователя НКВД в Алматинской тюрьме в 1930 году, этим в точности передал суть данного литературного объединения.

Прежде чем затрагивать содержание программы литературно-творческого объединения «Алка», необходимо сказать несколько слов об истории его зарождения.

«В апреле 1925 года я взял отпуск и приехал из Ташкента в Оренбург. Здесь бывший ответственный редактор «Жас казак» («Молодой казах») Алдонгаров познакомил меня с гражданином Сарсенбиным... «Со слов Сарсенбина я понял, что программу (речь идет о программе «Алка». – Д. К.) Жумабаев написал совместно с молодыми литераторами», – так ответил Ж. Аймауытов следователю (21.06.1929 г.). Несомненно, без вины виноватый Жусипбек так сказал это ради справедливости, чтобы опровергнуть мнение тех, кто видел в объединении «Алка» политическую организацию.

В архивах Комитета национальной безопасности мы также обнаружили источники о Жакене Сарсенбине, о котором упоминает Ж. Аймауытов. Жакен в 1924–1925 гг. учился в Институте журналистики в Москве. Как известно, в тот период в столице жили такие казахские деятели, как А. Букейхан, Н. Торекулов и др. Они работали в центральной конторе Восточного издательства. Их последователи – лучшие молодые умы – в Москве и Петербурге собирались вокруг них. Очевидно, что и Ж. Сарсенбин в самые тяжелые дни своего народа до последнего стремился выполнить долг перед Родиной.

«Алихан Букейхан, Магжан Жумабаев, я – втроем в январе 1925 года поехали в общежитие, где остановился прибывший на съезд учителей Ахмет Байтурсынов, познакомили его с написанной, готовой программой литературного объединения «Алка».

«Несмотря на то, что казахам в соответствии с их бытом идет национальная одежда – чапан, европейцы хотят на них надеть европейский костюм. Они желают привязать казахского верблюда к паровозу и тягать. Это – не свойственное явление для казахов, а чуждое. Казахская литература должна быть национальной литературой. А посредством таких кружков и объединений вполне возможно ее сделать. Поэтому поддерживаю ваше мнение о создании «Алка», – сказал Акан (т. е. Ахмет. – Д. К.).

Долго не затягивая, мы с Магжаном разделили 16 экземпляров программы «Алка», затем отправили в Ташкент Ахмету Байтурсынову, в Оренбург – Жусипбеку Аймауытову, в Кызылжар – Жумагали Тлеулину, в Семипалатинск – Сабиту Донентаеву, в Ленинград – Мухтару Ауэзову. 19 января того же года я был приглашен в Оренбург для рассмотрения Краевой коммунистической партии. Перед выездом из Москвы А. Букейхан и М. Жумабаев поручили мне связаться с товарищами в Оренбурге и Ташкенте, узнать об их поддержке программы «Алка» или отказе, а свои мнения высылать на имя Жумабаева. Еще говорили о том, что по приезду нужно будет связаться со Смагулом Садуакасовым и переговорить о публикации программы на страницах печати.

По приезду в Оренбург встретился с ответственным редактором «Енбекшил казак» («Трудящийся казах») С. Садуакасовым, ознакомил его с программой. Смагул сказал, что опубликует программу на страницах «Енбекшил казак»,

однако прежде просил показать Ахмету Байтурсынову, Елдесу Омарову, Султанбеку Кожанову, Жусипбеку Аймауытову...

При встрече С. Кожанов сказал о том, что вместе со Смагулом Садуакасовым они были в Москве по поводу «Алки» и слышали о нем от Магжана Жумабаева. Программу также поддержали Елдес Омаров и Жусипбек Аймауытов.

Ергали Алдонгаров обещал связаться со Смагулом Садуакасовым и посоветоваться о том, что программу следует печатать не в газете, а в журнале «Кызыл Казахстан» («Красный Казахстан»), – так говорил в ответ на допросы Жакен Сарсенбин (5.05.1929 г.).

Таким образом, вопрос создания «Алки» путем консолидации казахских поэтов и писателей, преследующих естественное развитие национальной литературы, был поднят в конце 1924 года, а его программа роздана просвещенным Алаша в начале января 1925 года. Мероприятия по окончательному формированию литературного объединения были предприняты к концу января.

Так почему же вступившее в новую жизнь молодое объединение «Алка» оказалось в официальном запрете? Что такого оно «натворило»?

Ответ на первый вопрос находим в «Истории казахской литературы», изданной в 1967 году: «В 1925 году Центральным комитетом два раза рассматривался вопрос об улучшении деятельности казахских печатных органов. Предупреждая о том, что в местные редакции газет и в иные места проникают элементы, пропагандирующие буржуазные национальные идеи, комитет обратил особое внимание на то, что данные организации необходимо укрепить советской властью». Решения Центрального комитета партии, принятые в это время, напроць лишали национальную суть казахской печати. РКП(б) Центрального комитета и Краевой комитет партии признали газету «Ак жол» («Светлый путь», Ташкент) «негодным, чуждым изданием», а его сотрудники подверглись репрессиям. В таком духе всесторонняя критика также обрушилась на народную газету «Енбекшил казак» («Трудящийся казах»), которой руководил Смагул Садуакасов. Спустя четыре года, Абдрахман Байдильдин (был секретарем Краевого комитета партии, в начале 20-х гг., будучи единомышленником Смагула и других лиц, позже отошел от своего мнения) в обстоятельном заявлении НКВД

«Конкретные сведения и доказательства моей борьбы против алашординцев и правых коммунистов», написанном в Бутырской тюрьме, докладывает какое притеснение оказывал деятелям литературы, националистам (1929 год, октябрь). Горький урок этой исторической правды состоит в том, что ради спасения собственной шкуры во все времена находились предатели национальных интересов, однако их трусость никогда не означала трусости нации.

Одним словом, программа «Алка» в 1925 году так и не была опубликована в печати. «Алка», которая должна была стать путеводной звездой для молодых, заблудшему указывать правильный путь, была закована в цепи. Однако данный факт не усмирил желания поэтов и писателей к сплочению. И, наверное, поэтому впоследствии «ловкие» апологеты революции пытались найти различную трактовку и политический подтекст в вводной части программы литературного объединения, которая называлась «Табалдырык» (дословно: «порог», «преддверие»). В архивах КНБ можно обнаружить множество документов, где НКВД арестованным в 1929 году задает провокационные вопросы типа: «Ваше отношение к политической платформе националистов «Табалдырык»?

Надо отметить, что литераторам советского периода программа «Алка» не попадалась в руки. Было общее мнение о том, что «Алка» относится к «Алашу». Поскольку, во-первых, ученые, привыкшие разделять на два лагеря и возвеличивать героизм одной стороны, противопоставляли «Алку» КазАППу, доказывали жизнеспособность последнего и вскользь очерняли суть и содержание «Алки». Её программа, служившая в сумрачном 1929-ом и смертоносном 1937-ом для НКВД вещественным доказательством, переходя из рук в руки в стенах той мрачной организации, совершенно истребалась и превратилась в обрывки. Историческое значение литературного объединения «Алка», преследуемого НКВД на протяжении нескольких лет и не вошедшего в научный оборот, неоценимо.

Программа «Алка», кроме предисловия «Табалдырык» и посланий, состоит из пяти основных частей. К ним относятся такие разделы: «Литература», «Дореволюционный период и литература», «Революционный период и литература», «Что такое литература? Общие законы литературы», «Что советуют

марксизм и классики художественной литературы, занимающимся творчеством?».

Чувствуется мощный духовный поиск авторов при создании данного проекта. Ведь подготовка тезисного документа, имеющего отношение только к литературе, – не простое построение созвучного словесного ряда. Авторы программы основные мысли связывают с социологией, философскими науками, подкрепляют их примерами из национальных источников.

Таким образом, в истории возникновения «Алка» можно отметить следующее обстоятельство: деятели «Алаша» доказали, что достичь диалога между правительством и мастерами слова можно только учитывая традиции и менталитет народа, а также необходимость творческой свободы. Поэты и писатели – уста нации. Если бы советская власть не игнорировала их, а считалась с их мнениями, то было бы в обществе желаемое согласие. И лозунг: «Народ – наша власть» соответствовал бы действительности. Деятели «Алаша» рассматривали вопросы именно с этой точки зрения. Из истории «Алки» видны их позиция и чистые помыслы. Историческая значимость этого литературного объединения в том, что в трудный период оно вело открытый диалог с творческими деятелями и совместно искало выход из замкнутого круга.

Суть и содержание программы «Алка»

Программа первого объединения казахских писателей «Алка», как уже было сказано выше, начинается с введения – «Табалдырык». В нем отмечено: «Казахская литература находится на перекрестке дорог. Позади – одна дорога, впереди – тысячи. В пути и те, что плыли по течению, и те, что выли на пустыню, были и вернувшиеся, и пропавшие. Судьба привела казахскую литературу на перекресток тысячи дорог и заставила вдохновенно петь». Из данного тезиса, изложенного точно и образно, можно почувствовать духовный кризис казахского общества.

«Кому подражают казахи?» – на данный вопрос ведется поиск в введении «Табалдырык». Правда, с житейской точки зрения, зависимые от России степняки могли подражать россиянам, однако и там были свои нюансы. А «европейская литература, которая призвана быть нам муллой, сама состоит не из одного

муллы, а – из тысячи». В таком случае, чтобы «не плестись по шубырынды (стадная тропа к водопою)», надо стремиться к своеобразию, самобытности. Казахским писателям нужно расширять границы национального литературного пространства.

Человек, сведущий о состоянии казахской литературы в 20-х годах, в каждом слове и предложении «Табалдырыка» непременно обнаружит глубокую суть. Например, здесь мы читаем такие волнующие слова-переживания за текущее состояние литературы и литератора: «В глазах у европейской культуры Казахское государство – бедная страна с отсутствующим культурным, литературным фондом, а наши писатели, забывая армейские (имеется в виду активность, способная пробудить казахов. – Д. К.), гражданские обязанности, могут быть заперты в замках декоративной поэзии, не распознав сути поэтического долга, могут плыть по общему шумному течению». И в самом деле, в то время, когда «литературу воспринимали как пустой крик, а поэзию как агитацию и пропаганду», появление «Алки» оказалось весьма кстати.

В разделе «Литература» отмечается, что слова К. Маркса: «Самостоятельное развитие литературы не зависит от развития технической культуры» относится к Европе, которая стремительно развивалась из века в век. Здесь же опровергается точка зрения о том, что «казахская литература... с тем более низкой технической культурой... была на грани исчезновения». Этот тезис объявляется ошибочным. «На самом деле существует мнение, что у казахов была исконная фундаментальная литература. Свидетельством сказанному служат слова о том, что любые перемены в жизни казахов – срывы и подъемы, горе и радости, раздумья и мечты находили отражение в литературе». Доказательством тому является литература периода Мурата, Махамбета, Базара, Шортанбая, Ақан сері, боровшихся за свободу своего народа. Отсюда становятся понятными причины возникновения в нашей литературе народных, национальных мотивов. В развитии духовности отмечается особое место Абая: «Абай – величина казахской литературы, которого народ кровавыми слезами поневоле принес в жертву хищному капитализму и колониализму. Глубина трагедии жизни и поэзии Абая заключались в том, что управляя народом, давая советы, он теряет надежду и погружается в мрачные думы. Величие Абая

в том, что он, стоя на краю обрыва, борется с двумя силами. Восстановив исконное содержание, былое направление казахской литературы, вносит в неё новую форму». Появление таких произведений после Абая, как «Проснись, казах!» («Оян, қазақ»), «Сорок басен» («Қырық мысал»), не только послужило образцом и замечательным примером, вдохнуло в литературу исчезающий национальный дух, но и объясняло социальную необходимость и эволюцию общественного сознания. Наша литература плачем «Оян!» («Проснись!») напомнила о прошлом народа. Однако прошлое воспевалось не для того, чтобы восстановить утраченную эпоху, а для того, чтобы вселить надежду в душу угнетенного народа. Но воспеть не успели, а только начинали воспевать. В разделе «Литература» сделан экскурс в казахскую национальную литературу, описывается, какие исторические вехи пришлось ей пережить, указывается на своеобразное, не похожее на других, направление, собственную основу и объект почитания.

В разделе «Дореволюционный период и литература» изучается роль революции в Казахском государстве и его духовном мире. «Текущую Великую революцию породила не наша история, это – не знакомая нам революция, она чужая, порожденная Европой... Вполне закономерно, почему в нашей литературе революция не нашла своего отражения, а те единичные нелепые попытки оставить о ней след еще раз показывают, что в Казахскую степь революция вошла не с солнечной, а с теневой стороны, не справа, а слева...» Объективно у казахской литературы, «развивающейся в самостоятельном, правильном направлении согласно законам истории и жизненного уклада», не было никаких оснований воспевать революцию, свершившуюся в России. В данном разделе программы «Алка» дается резонный ответ на этот счет. Опираясь на тезис о том, что «национальная литература должна идти своим путем», авторы программы пишут: «Если не считаться с трудным и тяжелым периодом, то дело не сдвинется с места, а сравнивая жизнь с водой, текущей в разные стороны, обосновывают необходимость нового пути в новое (не все новое – хорошее) время».

Будущее направление литературы описывается в разделе «Революционный период и литература». Революция, рожденная на пути к свободе европейского пролетариата, освободила казахский народ от гнета капиталистов-

колонизаторов. Надо признаться, литература, созревшая в котле пролетарской революции, – одна, а казахская литература, не испытывавшая на себе революцию и развивающаяся своим путем – совсем другая. И вместе с тем, новый мир (новая реальность) – мечты казахов. И на этом пути невозможно, чтобы в наших «мыслях, воображениях, в литературе не было духа казахов, духа Азии»... Признавая существование собственного направления, авторы программы отмечают: «Однако история и эпоха пролетариата, а также тысячелетняя история казахов, запах их мерлушковых шапок (здесь: образное выражение. – Д. К.) не могут не оказывать влияния, поэтому направление казахской литературы должно быть основанным на национальном естественном развитии». В разделе «Что такое литература? Общие законы литературы» описывается место литературы в жизни и истории человечества, которая как искусство слова высоко ценилась и почиталась с древних времен. Художественное познание воодушевляет, художественная литература и поэзия имеют воспитывающую силу.

«Искусство» – широкое понятие, которое по-разному влияет на развитие наций и народов. Например, произведения искусства, заставляющие ныть сердце и будоражить кровь казахов, другие народы могут и не понять. Не будь этого, литература стала бы неискренней и безосновательной. В таком случае, необходимо соблюдать и развивать добрые традиции. В указанном разделе именно об этом.

Программа «Алка», опираясь на исконную казахскую и зарубежную литературу, определяет, что такое поэтический дар, цели и задачи литературного произведения. По мнению авторов, «основой искусства являются чувства, его выражением – картина, порожденная чувствами, задача – не обучать, а пробудить чувства. ...Поэт в области поэзии – только поэт, в сфере бытия – и поэт, и гражданин.

...Литература возвышалась и росла в эпоху созвучия бытия и высокого слова... Самые великие, самые благородные дела в истории свершались на стыке эпох». Начало мысли здесь понятно, а в завершающей части программы заметно то, что национальная интеллигенция верила в то, что если не будет никакого насилия и принуждения, то из временных трудностей несложно будет выйти.

В разделе «Что советуют марксизм и классики художественной литературы занимающимся творчеством?» мнению марксистов

«литературе форму придает бытие» противопоставляется другая точка зрения: «Оценивать литературу только состоянием бытия нельзя», а также критикуется пролеткультовое невежество, рассматривающее былое наследие как классовое мировоззрение.

«Писавший религиозные поэмы Жусипбек-кожа – религиозный поэт. Но знакомство с их творчеством (перед этим упоминается Байрон. – Д. К.) убеждает, что поэта надо познавать не по его излюбленному литературному направлению, а каким образом он может служить, на каком уровне его поэтическое искусство». По мнению «Алки», в поэзии один класс не может противопоставляться другому: «Бесспорно, будет глупо видеть врага в лице поэта, талантливо переложившего на казахский язык «Горные вершины спят во тьме ночной» и не признавать его поэзию» (про Абая, переводившего стихи Гёте и Лермонтова. – Д. К.). Вместе с тем, «человек, в первую очередь, – человек, затем уже он член какого-либо рода, племени», – так, выступая против невежества, «Алка» в данном разделе с горечью и разочарованием утверждает о «возможности в литературе классового духа». В качестве подтверждения этой мысли приводит слова марксистов Плеханова, Троцкого, Чужака, Лунца.

История свидетельствует: при широком понимании искусства классовое мировоззрение остается в стороне. В оценке искусства классовый выбор – консервативный метод. Именно это смогли сказать авторы «Алки». Кроме того, в ней открыто заявлено о неразумности сведения национальных литератур в единую, скажем, – казахскую и европейскую литературу. Это было наглядной критикой тех, кто пытался механически скопировать некоторые методы творчества писателей.

В последнем разделе программы «Алка» объясняется, что марксизмом не опровергались национальные особенности в литературе. При сопоставлении казахской литературы с европейской доказывалось, что отечественная литература имеет свой опыт и полноценные традиционные основы. «У казахов было собственное понимание природы, жизни и бытия, своя философия и глубокие чувства. ...Лучшие дни казахов, сказочные дни, давние времена, вчерашние и сегодняшние дни нашли реальное воплощение в образах», – заключая такими словами, делается вывод о том, что казахская литература духом поэтического творчества никак не

может совпадать с европейской литературой, и литература должна развиваться без насилия.

В истории развития духовности ничто не возникает случайно. Для каждого решительного, настойчивого шага была причина. Возникновение «Алки» в 1924–1925 гг. было обусловлено исторической необходимостью. Литературное объединение «Алка» претворило в жизнь мысли и чаяния казахов.

Создание письменного проекта объединения творческой интеллигенции было признаком свободной воли, высокого национального самосознания. Программа обратила на себя внимание не тысяч, а избранных. И это было закономерно, потому что истинное творчество – не массовое.

Таким образом, идея «Алки» и ее тезисы направлены на сохранение и развитие национальной самобытности литературы в условиях пролетарской диктатуры. Она систематизировала алашское или национальное творческое течение в искусстве, подняла его до уровня самостоятельного направления.

Итак, «Алка» различными приемами и способами смогла объединить поэтов и писателей, которые задачи джадидизма в Казахском государстве продолжили в идеях и наследии «Алаша». Действительно, по известным причинам ее программа не вышла в свет – не была опубликована в печати. Однако, это не означает того, что организация бездействовала. Идея «Алки» в среде избранных просвещенных граждан распространялась и устно, и посредством литературных материалов. Поскольку объединение не могло работать официально и открыто, деятели «Алаша» переписывались, обсуждали проблемы литературы и духовные процессы в обществе. Если окунуться в литературные труды деятелей «Алаша» и его приверженцев в 20-е годы, то идею «Алка» можно обнаружить повсеместно. Возникают следующие вопросы, касающиеся истории «Алки»:

1. Пишем ли мы отечественную историю с точки зрения независимой страны?

2. Служат ли значимые события прошлого развитию современного независимого государства?

К сожалению, на данные вопросы до сих пор нет ответа. Наша беспринципность к истории настолько не выдерживает критики, что и трава, и сор – все история. И события, и политики, не служившие национальным интересам, по-прежнему остаются на исторической арене. К тому же в той

истории не нашлось места для «Алки» (напомним читателям, что программа была обнаружена в архивах КНБ и опубликована нами в 1992 году). А ряд ученых, вводя в заблуждение простой народ, называли его «Табалдырык» (по всей видимости, опираясь на русскую версию, прозванную так НКВД). Это первое.

Во-вторых, с какой бы стороны не рассматривали, «Алка» – самое первое объединение казахских поэтов и писателей. Мы считаем, будет справедливо начинать историю создания нынешней авторитетной организации поэтов и писателей независимого Казахстана с зарождения «Алки». Сравним: разве начало бы собственную историю объединение писателей прибалтийских государств с мощной национальной идентичностью с даты образования организации, созданной советами? В этой связи возникает ещё один закономерный вопрос: почему Парламент РК собственную историю не начинает с 1-го созыва совета КазАССР?.. Конечно, он входит в общую историю парламентаризма, но это – не его начало. Истоки идут с Государственной Думы 1906 года. Поскольку в ней участвовали казахи и обсуждались вопросы, связанные с Казахской степью.

Значение и сила «Алки» состоит в том, что оно было не только первым объединением писателей, а стало связующей нитью прошлого и нового, и национальные интересы ставило превыше всего.

г. АСТАНА